

Писатель как объект читательского восприятия: публичные литературные чтения 1860-х годов

Т. И. Печерская

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Рассматривается новое явление общественно-литературной жизни 1860-х гг. – публичные литературные вечера, где читатель получил возможность общаться с ‘живым’ писателем без посредничества журналов и критики. Выявляются формы этого общения, влияние внелитературной репутации писателя, особенности восприятия писателей, причины тех или иных предпочтений, принципы формирования программы. Рассмотрен феномен актуализации произведения, даже далекого по времени написания, не связанного прямо с актуальными вопросами времени. Этот феномен может быть объяснен атмосферой общего подъема и эмоционального возбуждения публики: речь идет о приписывании смыслов, которые не были заложены писателем, о перекодировке идей, что в конечном счете приводило к произвольной интерпретации, фактическому переписыванию текста, над которым писатель терял контроль. В заключение развивается мысль о том, что начальная модель непосредственного общения ‘живой’ писатель – читатель реализовалась только в начальной фазе первых вечеров, далее читатель довольно быстро перешел в разряд зрителя, а писатель – в разряд театрального артиста, который в зависимости от ожиданий слушателей мог быть вознесен или освистан. В итоге писатель становится

Печерская Т. И. Писатель как объект читательского восприятия: публичные литературные чтения 1860-х годов // Критика и семиотика. 2018. № 2. С. 54–67.

условной фигурой, транслирующей текст, востребованный публикой, в первую очередь он оценивается по шкале гражданской актуальности, при этом художественные достоинства произведения, как и в трактовке журнальной критики, уходят на второй план. Литературные вечера, собирающие «свою» публику, все больше напоминают митинги, сходки, площадки революционной пропаганды для подпольных кружков. Быстрое увеличение литературных чтений в различных городах приводит к тому, что место писателя окончательно занимает сам читатель, который свободен в трактовке текстов, сам формирует программу выступлений, сам исполняет интересующие его произведения.

Ключевые слова: литературные вечера, читатель и писатель, критик, общественная жизнь 1860-х годов, литературный процесс, семиотика культуры.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2018-2-54-67

Контактная информация: Печерская Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, ptatiana9@gmail.com)

Публичные литературные чтения, лекции, воскресные школы, диспуты, разнообразные кружки воспринимаются как характерное выражение самоорганизации общественной жизни 1860-х гг., яркая краска времени в общей картине изменений, начавшихся в русском обществе с середины 1850-х гг. Все эти явления объединяет один посыл, общее стремление людей к свободному объединению и взаимодействию на основе близких интересов, которые во многом формируются «здесь и сейчас» в непосредственном общении.

Можно сказать без большого преувеличения, что в этот период известная литературоцентричность общественной жизни достигает наивысшей точки. Материалом для обсуждения, источником информации, определяющим взгляды на самые разные вопросы – социальные, политические, научные, культурные, мировоззренческие, – становится то, что поставляется журналами и книгами. Писатель, журналист как «властитель дум» читателя в шестидесятые годы – в данном случае не метафора.

Особенно активно используют фигуру читателя журналы, обладающие наиболее широкой читательской аудиторией, состоящей из демократически настроенной молодежи (в первую очередь «Современник» и «Русское слово»). Критик, адресуя то или иное полемическое высказывание журнальным противникам, непосредственно тому или иному писателю, всегда держит в поле зрения читателя, смоделированного по различным риториче-

ческим лекалам, – «свой» читатель, молодой читатель, приверженец идей журнала, «чужой» читатель, читатель других журналов, читатель нетребовательный, с «невоспитанным» вкусом, но не безнадежный в плане перевоспитания и т. д. Разветвленную сетку читателей, которую мы видим у Чернышевского в романе «Что делать?» – добрейшая публика, читательница, проницательный читатель, новый читатель – автор переносит в роман из своей и общей журнальной практики.

Журналы с самого начала живо отреагировали на появление литературных вечеров, о них писали в обзорах, фельетонах, пародиях, организаторам предлагались советы по отбору авторов и произведений, способных заинтересовать публику. В «Заметках Нового поэта» И. И. Панаев рассуждал прагматически: «Вообще нам кажется, для того чтобы поддержать в публике интерес к такого рода чтениям, необходимо составлять их из новых, ненапечатанных и небольших прозаических рассказов или статей, которые бы занимали с небольшим полчаса и никак уже не более часа. Стихотворения производят вообще более эффекта, чем проза, и потому чем более будет прочитано на вечере стихотворений, тем вечер будет казаться разнообразнее» [Панаев, 1860, т. 80, с. 208–209]. Обозревателя «Русского слова» интересовали скорее социологические выводы, которые можно сделать на основе реакции публики: литературные вечера указывают «вкусы и стремления общества», «подобные публичные собрания интересны еще и потому, что выводят на свет разные поучительные замечания и размышления на счет русского общества» [Литературные чтения..., 1860, с. 77]. В резкой манере, характерной для публицистов «Русского слова», обозреватель советует Литературному фонду требовательнее относиться к выбору авторов, «приглашать не гг. Бергов, Крестовских и других умственных кретинов на литературные чтения, а людей, которыми интересуется публика и которые прочтут ей не пустые стишонки, а что-нибудь подельнее и позанимательнее» [Там же].

Сотрудники журналов, литераторы, не без основания считая литературные вечера своей территорией, сетовали на то, что достать билеты на первые литературные вечера было трудно даже им, а организаторам вечеров предлагали «сделать любеность собратам» – посылать по несколько билетов в редакции, которые с удовольствием заплатили бы за билеты двойную цену [Панаев, 1860, т. 79, с. 376].

Внимание привлекали и литературные вечера в провинции. О литературных вечерах либералов демократическая критика писала фельетоны, в «Искре» сочинялись пародии. Так, например, в фельетоне А. Н. Плещеева «Литературный вечер. Рассказ необличительный» описывается литературный вечер в уездном городе Мутноводске, который устраивают «местные прогрессисты», причем собранные средства в конце концов крадутся чиновником, а не идут бедной девушке, ради которой вечер организовывался. При составлении программы «истинно благонамеренные люди, по-

борники умеренного, постепенного прогресса» возражают против включения произведений Гоголя и Салтыкова-Щедрина («могут обидеться чиновники»), а также Островского («может обидеться купечество»). Вместо стихотворения Некрасова «Филантроп» включают стихотворение Ростопчиной «Я женщина, оставьте балы мне...», далее все в том же духе. Участники вполне соответствует героям «исключенных» произведений – слушатели аплодируют после того, как начнет аплодировать «значительное лицо» [Плещеев, 1861, с. 225–226]. В целом и в столице, и в провинции полемика вокруг литературных вечеров – от выбора произведений до назначения собранных благотворительных средств – разворачивалась в едином общественном пространстве, переносилась из залов и комитетов в журналы и обратно.

Вернемся к началу проведения литературных вечеров. Их главной особенностью была публичность, открытость для разных общественных слоев. Именно это делало литературные вечера и публичные чтения новым явлением. Начало было положено Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Институционально литературные вечера были довольно жестко встроены в систему контроля¹, который, при всей регламентированности акций, не всегда способен был обеспечить необходимую благонамеренность. Прагматической целью Литературного фонда являлся сбор средств нуждающимся литераторам и ученым. Это начинание в дальнейшем было подхвачено, литературные вечера и чтения стали проводить повсеместно в столице и провинции, средства собирали и для беднейших студентов, и для воскресных школ, и для других общественных и частных нужд, из благотворительных побуждений желающие платили за билеты «втрое против объявленной цены» [Панаев, 1860, т. 79, с. 376].

Публичные литературные вечера особенно интересны тем, что по сути читатель впервые встречался с писателем, а иногда и критиком «вживую». О первом литературном вечере, состоявшемся в Петербурге 10 января 1860 г., сохранилось много воспоминаний, поскольку такой «формат» общения воспринимался как явление экстраординарное. Свидетельства во многом сходятся в описаниях и эмоциональном тоне: «...Попасть на первые чтения было очень трудно <...> желающих послушать было видимо-

¹ Подробнее см.: [Литвина, 1986, с. 34–48; Васена, 2014]. Комитет Общества составлял программу вечера, затем передавал ее попечителю учебного округа Санкт-Петербурга, чтобы получить его разрешение. Далее попечитель округа предъявлял тексты произведений в Главное Управление цензуры, которое указывало тексты, допущенные для чтения. После получения разрешения Комитет окончательно формировал программу, размещал в газете извещение о вечере, где указывались участники, время, место проведения вечера, цены на билет (обычно в «С.-Петербургских ведомостях»). В провинции существовала своя иерархия ведомств.

невидимо», «яблоку негде было упасть»; первое литературное чтение представляло собой «невиданное и необычайно привлекательное зрелище» [Вейнберг, 1895, с. 96]. Невиданность и необычность состояла прежде всего в возможности видеть и слышать писателя / поэта «живьем».

В журнальных обзорах вечеров и позднее в различных мемуарах на первый план поначалу выходит описание внешности, голоса, манеры читать, описание того впечатления, которое писатель произвел на публику. Подробное описание манеры чтения литераторов находим в воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева: «Он (Гончаров. – *Т. П.*) также читал хорошо, но у него была своя манера: читал как опытный докладчик, обдуманно, выразительно, но без внутреннего увлечения»; «...читал он (Некрасов. – *Т. П.*) тихим, замогильным голосом; к некоторым стихам его это очень шло, например, “Еду ли ночью...”», но где требовалось больше энергии, например, “Стой, ямщик”, тут он не мог производить сильного впечатления. <...> Манера Некрасова, уместная в его собственном чтении и притом, однако, не всегда производившая соответственное впечатление, тем не менее нашла подражателей; некоторые – я разумею чтецов в частных кружках – без различия, что читали, читали а-ля Некрасов <...> Не скажу, чтобы Некрасова очень восторженно встречали; все высоко чтит его талант, молодежь многое знала из него наизусть, но против него как человека царило широко распространенное предубеждение... [Пантелеев, 1958, с. 223]².

Здесь следует выделить тему репутации литератора в глазах читателей-слушателей, причем репутацию внелитературную. Характер репутации писателя прямо влиял на то, какой прием публика могла оказать выступавшему, часто вне зависимости от прочитанного. В этом отношении характерен прием, который оказали Достоевскому и Шевченко на литературном вечере 11 ноября 1860 г.³ Е. А. Штакеншнейдер вспоминает об этом вечере в дневнике 1880 г.⁴: «Шевченку осыпали, оглушали рукоплесканиями и самыми восторженными овациями, однажды довели его ими до обморока. Достоевскому же не выпадало на долю ничего! Его едва замечали и хлопали заурядно, как всем, меньше, чем всем. <...> Достоевский был в каторге четыре года и двенадцать лет в Сибири, Шевченко не был ни на каторге, ни в Сибири, он был в солдатах» [Штакеншнейдер, 1990, с. 364]. Об успехе Шевченко в письме Добролюбову в Геную Н. Об-

² Пантелеев поясняет характер этих «предубеждений», указывая на «толки» вокруг карточной игры, «огаревское дело», остававшееся много лет неразъясненным, двусмысленное положение Белинского в редакции «Современника» в конце 1840-х гг.

³ См. подробнее: [Дудко, 2007, с. 202–203].

⁴ Описание этого вечера было сделано Е. А. Штакеншнейдер в дневнике того же дня [Штакеншнейдер, 1934, с. 283], однако позже, в приведенной записи, она по-другому оценивает причины, по которым литераторам оказали столь разный прием.

ручев писал так: «Шевченко приняли с таким восторгом, какой бывает только в итальянской опере... Шевченко не выдержал, прослезился и, чтобы оправиться, должен был уйти на несколько минут за кулисы. Потом читал малороссийские стихи, слов публика большею частью не поняла...» (от 11 декабря 1860 г.) [Княжнин, 1913, с. 93–94]. Е. А. Штакеншнейдер высказывает предположение, что тут не обошлось без партийных интересов: «Я думаю, что у Шевченки была тогда своя партия в университете, с Костомаровым во главе, среди студентов. Сепаратистические идеи были тогда в большом ходу, а идея самостоятельности Малороссии в особенности <...> а у Достоевского партии не было» [Там же]. Выбор произведений для чтения также, по ее мнению, не способствовал успеху. Действительно, на упомянутом и следующем вечерах Достоевский читал фрагменты из «Неточки Незвановой» и своего первого романа «Бедные люди». Выбор для писателя, на которого «молодежь еще смотрела <...> как на бывшего каторжанина, на экс-политического преступника», казался неудачным [Боборыкин, 1965, с. 281]. Чтение «Записок из Мертвого дома», а к тому времени уже началась «пробная» публикация глав, имело бы куда больший успех, но, возможно, бурной реакции публики Достоевский и не хотел. Он все еще находился под негласным полицейским надзором и опасался цензурного запрета на продолжающееся издание.

Метафора «писатель как зрелище» почти буквально может быть продемонстрирована на примере благотворительных спектаклей, устраиваемых Литературным фондом. Особый успех имел первый – постановка «Ревизора» (14 апреля 1860 г.), за которую взялся П. И. Вейнберг⁵, решивший привлечь к участию писателей «из больших», пользуясь широким кругом знакомств по «кружку Дружинина». Многие выразили согласие и сочувствие, но охотников нашлось мало, поскольку никому не приходилось публично выступать на сцене. Проявив режиссерскую фантазию, решает вывести писателей и известных критиков на сцену безмолвными купцами в сценах с Городничим и Хлестаковым. В итоге согласились участвовать Тургенев, Гончаров, Григорович, Майков, Василий Курочкин, Дружинин, Краевский. Только Достоевский с энтузиазмом согласился на роль почтмейстера Шпекина, еще Писемский, чей драматический талант был известен, сыграл Городничего. Сам Вейнберг играл Хлестакова, для которого придумал свою трактовку – трагикомический герой, с акцентировкой на трагизм. В воспоминаниях он досадует на то, что публика совершенно не вникала в смысл и трактовку пьесы, бурно и некстати реагировала на появление писателей. Например, в сцене, где появлялась группа бессловесных «купцов», специально придуманная для того, чтобы занять как можно больше писателей, зрители раздражались смехом и бурными ова-

⁵ П. И. Вейнберг – активный участник в деятельности Литературного фонда, поэт и переводчик, активный сотрудник «Искры», многих других журналов, позже занимался историей литературы.

циями [Вейнберг, 1895, с. 101–108]. Надо заметить, реакцию зрителей на такую компанию известных литераторов, выходящих на сцену «в виде купцов с головами сахара и кульками...» [Юнге, 1900, с. 241], было не трудно предвидеть, и в этом смысле обида «режиссера» не вполне понятна.

По мере того, как литературные вечера стали явлением хотя и неизменно привлекательным, но постоянным, публика из разряда читателей-слушателей переходила в разряд театральных зрителей. Фраза Н. Обручева о «восторге, какой бывает только в итальянской опере», очень показательна. К писателю / поэту вырабатывается такое же отношение, как к артисту в театре, – его можно ошарашить, можно неистовствовать, изъявляя восторг самыми разными средствами, требовать повторного чтения понравившегося стихотворения. Сформировался определенный стереотип того, как должен себя вести на сцене выступающий. Показательна реакция на выступление Чернышевского – публичное чтение 2 марта 1862 г. в пользу нуждающихся студентов. По мнению Н. Я. Николадзе, единомышленника и восторженного поклонника критика, присутствующие не оценили по достоинству выступление Чернышевского, говорившего о недавно умершем Добролюбове. Его огорчение понятно, поскольку это было первое выступление Чернышевского перед публикой, которая хорошо знала и ценила критика по статьям. Н. Я. Николадзе описывает выступление Чернышевского, явно акцентируя внимание на отсутствии в его манере того, что публика ценила и что привыкла ожидать от выступавших: «Он не читал, а рассказывал, скромно, тихо, словно разговаривал с приятелем, о своем знакомстве с Добролюбовым, о его отношениях к родным, об его добросовестности в работе и т. п. Ни малейшей театральности, никакого желания привлечь внимание слушателей, а тем более увлечь их, не было и следа. Он даже ни разу не повысил голоса, не сделал жеста. Все было просто. Иногда он трогал свою цепочку от часов. Но что больше всего дивило нас, это то, что никаких жалоб на гнет власти Чернышевский не высказывал. Ничего бесцензурного, никаких заключений он и не старался пускать в ход, и так же просто встал и ушел, как говорил. Зал так и ахнул от разочарования. Не верилось, что это был в самом деле Чернышевский, – тот самый, который так бесцеремонно крушит в печати первоклассных писателей. Ретивейшим из его поклонников показалось, что нам его просто подменили, пользуясь тем, что он почти никогда и нигде не показывался, да и портрета его нигде нельзя было достать» [Николадзе, 1958, с. 394].

Судя по донесениям, агенты III отделения наблюдали не столько за чтениями, сколько за публикой⁶. Мера ее возбуждения служила признаком общественной опасности. То же можно сказать и о кураторах программ. Например, 30 декабря 1879 г. Достоевский читал «Великого Инквизитора»

⁶ Архивные материалы донесений см.: [Литвина, 1986, с. 34–48].

в зале Благородного собрания на литературном утре (и такие тоже были) в пользу Общества вспомоществования студентам Петербургского университета. Чтение имело необыкновенный успех, слушатели много раз вызывали писателя. Достоевского просили еще раз читать для Литературного фонда. Однако попечитель учебного округа был недоволен реакцией публики и читать впредь запретил [Достоевская, 1987, с. 340]. Это притом, что пятая книга «Братьев Карамазовых» появилась в июньском номере «Русского вестника» за 1879 г.

Цензуре трудно было предотвратить нежелательную реакцию методом запрета тех или иных текстов, указанных в программе. И дело не только в том, что заявленные тексты могли по ходу чтений заменяться. Показательно замечание относительно реакции публики, содержащееся в обзоре «Русского слова»: «...это увлечение, по которому публика аплодировала тому, что она хотела найти в словах автора, а не тому, что он сам думал сказать» [Литературные чтения..., 1860, с. 77]. Об экзальтации публики вспоминает и Е. А. Штакеншнейдер, описывая чтение Ап. Майковым стихотворения «Два карлина»: «...стихотворение грациозное, миленькое, умненькое, но есть в нем одно слово – “деспот”, – это слово публика подхватила и стала хлопать. <...> Ей как будто иногда и дела нет, к чему иное слово относится⁷. Говорят, что отставные кавалерийские лошади, слышав военную трубу, хотя бы в эту минуту и были впряжены в водовозную бочку, тотчас начинают выделывать все аллюры, которым их когда-то учили. Вот так и публика» [Штакеншнейдер, 1934, с. 281–282].

Итальянская исследовательница Раффаэлла Васена, указывая на повсеместные случаи, когда публика переворачивала смысл сказанного или прочитанного, «опрокидывая планы коммуникативного замысла автора и восприятие различных адресатов текста», задается вопросом о причинах неординарного явления. Ответ на этот вопрос справедливо связывается ею с «особенным свойством российской публики начала шестидесятых годов»: «Желание свободы и изменения, вызванное началом реформ, было столь сильным и страстным, что публике казалось, что она улавливает дерзкие сообщения в читаемых текстах, о которых и сами авторы порой не догадывались. Такие неожиданные реакции низов повлекли перемещение центра тяжести коммуникативного акта от сообщения к коду с последующим металингвистическим усилением других участников публичных чтений: некоторые литераторы старались направить интерпретацию собственного произведения, предваряя чтение короткой преамбулой, которая сняла бы всякое сомнение относительно скрытых смыслов» [Васена, 2014, с. 178]. Р. Васена называет «коммуникативным коротким замыканием» случаи, показывающие, «как для публики порой читаемый текст чудесным образом

⁷ Стихотворение о неаполитанцах, а слово «деспот» по контексту относилось к Везувию, при публикации оно исчезло из текста.

приобретал способность преображаться вплоть до того, что получал совершенно иное значение...» [Васена, 2014, с. 178].

Заметим попутно, что на подобные случаи очень чутко и профессионально реагировал Некрасов-редактор. Е. А. Штакеншнейдер, описывая неожиданно громкий успех «полузабытого» Бенедиктова, прочитавшего стихотворения «Борьба» и «И ныне», записала в дневник: «Некрасов <...> почуял вкус публики и время, и не успел еще прийти в себя от произведенного им восторга Бенедиктов, еще публика неистовствовала и громко его звала, а Некрасов уже завладел обоими произведениями для своего журнала, для того самого “Современника”, который Бенедиктову жить не давал»⁸ [Штакеншнейдер, 1934, с. 247].

Новые смыслы приобретают и произведения, написанные, казалось бы, на темы, далекие от насущных вопросов 1860-х гг. Сошлемся на известный «пермский случай» – литературный вечер в Перми (27 ноября 1860 г.), получивший скандальную известность не только в российском, но и европейском масштабе. Е. Э. Толмачева, жена статского советника, председателя Пермской казенной палаты, выбрала для чтения на благотворительном литературно-музыкальном вечере в пользу сиротских приютов, устроенном в помещении пермского дворянского благородного собрания, фрагмент из импровизации итальянца на тему «Клеопатра и ее любовники» из «Египетских ночей» Пушкина. Отвечая на вопросы публики после чтения, Е. Э. Толмачева «вызывающе смело» осудила отсталые взгляды на роль и место женщины в обществе. Событие получило громкий отклик после появления в «С.-Петербургских ведомостях» (14 февраля 1861 г.) статьи под названием «Из путевых заметок. От Санкт-Петербурга до Иркутска», подписанной буквами М. Т., где подробно освещались сам вечер и выступление Е. Толмачевой. Между тем Е. Тиммерман, автор корреспонденции, оказался вовсе не проезжим путешественником, а местным жителем, к тому же поклонником Е. Э. Толмачевой, с которым она после скандала уехала сначала в Казань, а потом и за границу, где в качестве передовой женщины была представлена в Лондоне Герцену⁹. Если виновницей скандала в Перми стала Е. Э. Толмачева, то виновником, и уж точно невольным, последующего журнального скандала стал уже упоминавшийся

⁸ Вне учета атмосферы времени и обстоятельств публикации замечания исследователя – «В первом номере “Современника” за 1860 год, по предложению Некрасова, согласованному, как следует полагать, также с Добролюбовым и Чернышевским, появляется публикация двух стихотворений Бенедиктова – “Борьба”, “И ныне”. Надо отдать должное эстетическому вкусу Некрасова, опубликовавшего два лучших произведения политической лирики поэта, творческие возможности которого журналом революционной демократии до самого последнего времени недооценивались» – выглядят довольно наивно [Бенедиктов, 1983, с. 14].

⁹ О литературном вечере в Перми и «истории полемики» см.: [Блюм, 1976; Батюто, 1979].

ся Петр Вейнберг, который исполнял в это время обязанности редактора еженедельника «Век» и как автор писал под псевдонимом Камень-Виногоров (дословный перевод его имени и фамилии). Он «позволил себе», как писали потом, выступить с фельетоном «Русские диковинки», где «насмехался» над смелой прогрессивной женщиной, другими словами, проявил себя как законченный ретроград. Сколько бы П. Вейнберг ни объяснялся насчет того, что и не думал «выводить на посмеяние женщину», а ирония его была всецело направлена на излишнюю восторженность тона корреспондента из Перми, все было напрасно. Надо сказать, что в этом оправдании была доля лукавства, объект иронии двойственен, и Достоевский справедливо указывает на это, приводя в качестве примера некоторые образцы стиля фельетониста: «Теперь статьи Стюарта Миля, Михайлова и т. д. оказываются совершенно бесполезными; дело освобождения женщин началось. Русская дама, статская советница, явилась перед публикою в виде Клеопатры, произнесла предложение: “Купить ценою жизни ночь ее” – и как произнесла! Не могу опять удержаться от восхитительной выписки из письма корреспондента нашей удивительной политической газеты: “Большие глаза ее то загорались, то меркли и погасали... (ах! как это должно было быть хорошо!) всё лицо ее изменялось беспрестанно, принимая то нежно-страстное, то жгучее, то неумолимо-суровое, то горделиво вызывающее (огонь) выражение. Стих, следующий за предложением Клеопатры купить ночь ее ценою жизни, известный стих: “И взор презрительный обводит вокруг поклонников своих”, прочитан был, действительно, с таким выражением презрения и злой насмешки; молодая женщина таким взором обвела при этом безмолвную толпу, что будь это в театре – зала, наверно, потряслась бы от аплодисментов”» [Достоевский, 1979, с. 97]. П. Вейнберг и «пермский инцидент» были в центре журнальной полемики на протяжении нескольких месяцев 1861 г., с гневным осуждением противника прогрессивной женщины выступили ведущие полемисты – М. Михайлов, Д. Писарев, Н. Страхов, Н. Чернышевский, но были и защитники П. Вейнберга – М. Катков, как и противники, писал в большей степени о взглядах на эмансипацию. Словом, сам литературный вечер и Е. Э. Толмачева стали поводом для обсуждения «насуточных» проблем времени.

Заключая наблюдения, отметим, что соотношение пары *писатель – читатель* в контексте литературных вечеров и чтений динамично менялось. Конфигурация ‘живой’ *писатель – читатель* реализовалась только в начальной фазе первых вечеров. Довольно быстро читатель перешел в разряд зрителя, а писатель – в разряд театрального или, точнее, эстрадного артиста. Далее писатель становится условной фигурой, транслирующей текст, востребованный публикой, он оценивается по шкале гражданской актуальности, при этом художественные достоинства произведения, как и в трактовке журнальной критики, уходят на второй план. Литературные

вечера, собирающие «свою» публику, всё больше превращаются в места, напоминающие митинги, сходки, удобные площадки революционной пропаганды для подпольных кружков. Быстрое увеличение литературных чтений во всех городах, где ‘живых’ писателей, естественно, уже быть не могло, приводит к тому, что место писателя окончательно занимает сам читатель, вольный извлекать свои смыслы из любого текста, вольный сам формировать программу выступлений, сам исполнять интересующие его произведения.

Список литературы

[*Батюто А. И.*] Комментарий // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 19. С. 292–294.

Бенедиктов В. Г. Стихотворения / Сост., подгот. текстов и примеч. Б. В. Мельгунова, вступ. ст. Ф. Я. Приймы. 2-е изд. Л.: Сов. писатель, 1983. 815 с. (Библиотека поэта. Большая серия)

Блом А. Инцидент с «Египетскими ночами» // Рифей: Уральский литературно-краеведческий сборник / Ред. М. Л. Срубщик; сост. Ю. М. Курочкин. Челябинск: Южн.-Урал. кн. изд-во, 1976. С. 149–158.

Боборыкин П. Д. За полвека: Воспоминания: В 2 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 2. 671 с. (Серия литературных мемуаров)

Васена Р. Публичные литературные чтения эпохи великих реформ как пример коммуникативной (не)удачи // Практика чтения и литературной коммуникации, 1760–1930. Milano: Alma Ledizioni, 2014. С. 165–187.

Вейнберг П. И. Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ежегодник императорских театров, сезон 1893/1894. СПб.: Тип. Императорских С.-Петербургских театров, 1895. Приложение. Кн. 3. С. 21–98.

Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 560 с. (Сер. «Литературные воспоминания»)

Достоевский Ф. М. По поводу статьи Михайлова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. Т. 19. С. 92–104.

Дудко В. И. Достоевский – участник литературных чтений 1860–1861 гг. // Достоевский и мировая литература / Лит.-мемор. музей Ф. М. Достоевского; [сост., отв. ред. Н. Т. Ашимбаева, Б. Н. Тихомиров]. СПб.: Серебряный век, 2007. № 23. С. 202–215.

Княжнин Вл. Добролюбовский архив // Заветы. 1913. № 2. С. 93–94.

Литвина Ф. А. Легальные формы пропаганды разночинцев-демократов 60–70-х годов XIX века. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 133 с.

Литературные чтения в зале Пассажа // Русское слово. 1860. № 2. С. 76–78.

Николадзе Н. Я. Воспоминания о шестидесятих годах // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Общ. ред. Ю. Г. Оксманна. Саратов: Саратов. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 424 с.

Панаев И. Заметки Нового поэта // Современник. 1860. Т. 79, № 2. С. 376–377.

Панаев И. Заметки Нового поэта // Современник. 1860. Т. 80, № 3. С. 208–209.

Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М.: ГИХЛ, 1958. 848 с. (Серия литературных мемуаров)

Плецеев А. Н. Рассказ необличительный // Современник. 1861. Т. 95. С. 224–227.

Штакенингейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Ред., статья и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. 586 с. (Русские мемуары, дневники, письма и материалы)

Штакенингейдер Е. А. Из «Дневника». О Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 622 с. (Серия литературных мемуаров)

Юнге Е. Ф. Воспоминания. 1842–1860 гг. СПб.: Сфинкс, 1900. 488 с.

Article metadata

Title: Writer as Object of Reader's Perception: Public Literary Readings of 1860s

Author: T. I. Pecherskaya

Author's e-mail: ptatiana9@gmail.com

Author's affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract. The paper considers the new event of social-literary life of 1860s – the public literary evenings, where reader had the opportunity to communicate with the 'living' writer, without mediation of magazines and criticism. On basis of magazine comments, memoirs, the author reveals forms of this communication, influence of non-literary reputation of writers, features of their perception, causes of certain preferences and principles of formation of the program (using memoirs by P. D. Boborykin, P. I. Weinberg, A. G. Dostoevskaya, N. Ya. Nikoladze, E. A. Stackenschneider, E. F. Junge). The paper considers the phenomenon of actualization of work, which is far from the time of writing, and which didn't concern relevant questions of time (in particular, by the example of literary evening at Perm; heroine of this evening was E. Tolmacheva). The phenomenon of «re-encoding» of senses can explain atmosphere of high spirits and emotional excitement of the public. The author says about ascription of senses, which were not conceived by the writer, about «re-encoding» of ideas and themes. Ultimately it all results in arbitrary interpretation, actual transcription of text, of which the writer lost control. In conclusion the author develops thought of initial model of immediate communication 'living' writer – reader

realized only at initial phase of the first evenings 1860s. Then quite quickly the reader became a spectator presenting at performance, the writer became a theatre or «pop» artist which – conditionally as he meets expectations of listeners – can extol or hiss, call for repeated reading or drive from scene. In fact the writer becomes a relative figure who transmits the text pleasing public. First of all the text is estimated in respect to civil topicality, at that artistic merits of work (as in interpretation of magazine criticism) leave to second plan and lose anything significance. The literary evenings, where their public meet, more and more resemble meetings, the grounds of revolutionary information for underground circles. The active members of these circles not infrequently were collaborators of radical editions. The reader occupies the writer's place finally. The reader is free in interpretation of texts, and forms a program of performance himself, and the works interesting to him are performed by himself.

Key terms: literary evenings, reader and writer, critic, social life of 1860s, literary process, semiotics of culture.

Reference literature (in transliteration):

[Batyuto A. I.] Kommentariy. In: Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1979, vol. 19, p. 292–294. (in Russ.)

Benediktov V. U. Stikhotvoreniya. Coll. by B. V. Melgunov, introduction by F. Ya. Ptyma. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1983, 815 p. (Biblioteka poeta. Bol'chaya seriya) (in Russ.)

Blyum A. Intsident s «Egipetskimi nochami». *Rifey. Ural'skiy literaturno-kraevedcheskiy sbornik*. Ed. by M. L. Srubshchik, coll. by Yu. M. Kurochkin. Chelyabinsk, Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976, p. 149–158. (in Russ.)

Boborykin P. D. Za poveka. Vospominaniya. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1965, vol. 2, 671 p. (Seriya literaturnykh memuarov) (in Russ.)

Dostoevskaya A. G. Vospominaniya. Moscow, Pravda, 1987, 560 p. (Seriya «Literaturnye vospominaniya») (in Russ.)

Dostoevskiy F. M. Po povodu statii Mikhailova. In: Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy. In 30 vols. Leningrad, Nauka, 1979, vol. 19, p. 92–104. (in Russ.)

Dudko V. I. Dostoevskiy – uchastnik literaturnykh chteniy 1860–1861. *Dostoevskiy i mirovaya literatura*. Eds. N. T. Ashimbaeva, B. N. Tikhomirov. St. Petersburg, Serebryanyi vek, 2007, no. 23, p. 202–215. (in Russ.)

Junge E. F. Vospominaniya. 1842–1860. St. Petersburg, Sfinks, 1900, 488 p. (in Russ.)

Knyazhin VI. Dobrolyubovskiy arkhiv. *Zavety*, 1913, no. 2, p. 93–94. (in Russ.)

Literaturnye chteniya v zale Passazha. *Russkoe slovo*, 1860, no. 2. p. 76–78. (in Russ.)

Litvina F. A. Legal'nye formy propagandy raznochintsev-demokratov 60–70-kh godov 19 veka. Kazan, KSU Publ., 1986, 133 p. (in Russ.)

Nikoladze N. Ya. Vospominaniya o shestidesyatykh godakh. *N. G. Chernyshevskiy v vospominaniyakh sovremennikov*. In 2 vols. Ed. by Yu. G. Oksman. Saratov, Saratovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1958, vol. 1, 424 c. (in Russ.)

Panaev I. Zametki Novogo poeta. *Sovremennik*, 1860, vol. 79, no. 2, p. 376–377. (in Russ.)

Panaev I. Zametki Novogo poeta. *Sovremennik*, 1860, vol. 80, no. 3, p. 208–209. (in Russ.)

Panteleev L. F. Vospominaniya. Moscow, GIKhL, 1958, 848 p. (Seriya literaturnykh memuarov)

Pleshcheev A. N. Rasskaz neoblichitel'nyi, *Sovremennik*, 1861, vol. 95, p. 224–227. (in Russ.)

Stackenschneider E. A. Dnevnik i zapiski (1854–1886). Ed. by I. N. Rozanov. Moscow, Leningrad, Academia, 1934, 586 p. (Russkie memusy, dnevniki, pis'ma i materialy) (in Russ.)

Stackenschneider E. A. Iz «Dnevnika». O Dostoevskom. *F. M. Dostoevsky v vospominaniyakh sovremennikov*. In 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1990, vol. 2, 622 p. (Seriya literaturnykh memuarov) (in Russ.)

Vasena R. Publichnye literaturnye chteniya epokhi velikikh reform kak primer kommunikativnoy (ne)udachi. *Praktika chetiya i literaturnoy kommunikatsii, 1760–1930*. Milano, Alma Ledizioni, 2014, p. 165–187. (in Russ.)

Weinberg P. I. Literaturnye spektakli (Iz moikh vospominaniy). *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov, sezon 1893/1894*. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskikh S.-Peterburgskikh teatrov, 1895. Appendiz, book 3, p. 21–98. (in Russ.)